

К вопросу о «слове рока»
в современном русском романе:
мир Бориса Гребенщикова
в мире «Пловца снов» Льва Наумова

Юрий В. Доманский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отсылки к творчеству Бориса Гребенщикова в романе Льва Наумова «Пловец снов» (2021). Общим знаменателем системы этих отсылок является эстетический характер понимания героем романа себя в мире и мира по отношению к себе, что если и не прямо приводит героя к идее собственной избранности, то по крайней мере является симптомом появления этой идеи. В итоге система отсылок к песням «Аквариума» в романе Наумова позволяет интерпретировать мироощущение героя как мироощущение, в основе которого лежит эстетическая концепция осмысления действительности. Рассматриваемый в статье пример обращения современного русского романа к «слову рока» позволяет убедиться в том, что такое включение способствует раскрытию специфики мироощущения персонажа, а анализ этого обращения приближает к более глубокому пониманию текста.

Ключевые слова: Борис Гребенщиков, «Аквариум», рок-поэзия, Лев Наумов, «Пловец снов», современный русский роман

Для цитирования: Доманский Ю.В. К вопросу о «слове рока» в современном русском романе: мир Бориса Гребенщикова в мире «Пловца снов» Льва Наумова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 8. С. 96–111. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-96-111

On the issue of the “rock poetry word”
in contemporary Russian novel.
The world of Boris Grebenshchikov
in the world of “Dreams Swimmer” by Lev Naumov

Yurii V. Domanskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
domanskii@yandex.ru*

Abstract. The article deals with references to the work of Boris Grebenshchikov in the “Dreams Swimmer” by Lev Naumov “The swimmer of dreams” (2021). The common denominator of the system of these references is the aesthetic character of the hero’s understanding of himself in the world and the world in relation to himself, which, if not directly leads the hero to the idea of his own chosenness, then at least is a symptom of the emergence of this idea. As a result, the system of references to the songs of “Aquarium” in Naumov’s novel makes it possible to interpret the character’s worldview as a worldview based on the aesthetic concept of understanding reality. The example of the appeal of a modern Russian novel to the “word of rock” considered in the article allows us to make sure that such an inclusion contributes to the disclosure of the specifics of the character’s worldview, and the analysis of this appeal brings one closer to a deeper understanding of the text.

Keywords: Boris Grebenshchikov, “Aquarium”, rock poetry, Lev Naumov, “Dreams Swimmer”, contemporary Russian novel

For citation: Domanskii, Yu.V. (2021), “On the issue of the ‘rock poetry word’ in contemporary Russian novel. The world of Boris Grebenshchikov in the world of ‘Dreams Swimmer’ by Lev Naumov”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 96–111, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-8-96-111

Современная русская проза закономерно обращается к художественному осмыслению культурных артефактов недавнего прошлого и настоящего; и среди этих артефактов значительное место занимает русский рок в различных его изводах и персонализациях. «Следы» рока в виде упоминаний имен музыкантов, названий групп, цитат из песен обнаруживаются в романах таких ведущих современных писателей, как Роман Сенчин [Цукер 2020], Сергей Шаргунов [Доманский 2020b], Шамиль Идиатуллин [Доманский 2020a], Михаил Елизаров [Доманский 2021]... Во всех этих и подобных случаях «слово рока» формирует важные смыслы романских контекстов. В данной статье мы

попытаемся приблизиться к осмыслению специфики обращения к миру Бориса Гребенщикова (и соответственно «Аквариума») в дебютном романе петербургского писателя Льва Наумова «Пловец снов» (2021).

О раннем творчестве автора этого романа не так давно вышла монография [Кихней, Гавриков 2020], представляющая собой детальную попытку контекстуальной идентификации, основанную на привычном для отечественного литературоведения с давних советских времен желании вписать явление в ту или иную парадигму, дабы увидеть, во-первых, его типичность, во-вторых, его уникальность. И хотя эта книга создавалась на материале рассказов Льва Наумова, т. е. еще до выхода в свет первого романа писателя, некоторые наблюдения ученых вполне успешно проецируются и на «Пловца снов», на что будет указано в данной статье. Сам же роман, действие которого разворачивается в Петербурге, представляет собой текст о писателе. И хотя этот текст в плане типа повествования организован, что называется, «от третьего лица», тем не менее ведущая точка зрения принадлежит главному герою – Георгию Горенову, популярному автору детективных романов. Горенов решает, что читать низкопробную литературу (те же детективы, любовные романы) – недостойное человека занятие, а потому начинает убивать почитателей таких текстов, оформляя убийства согласно классическим литературным источникам – Конан-Дойлю, Честertonу, т. е. можно сказать, что роман Льва Наумова смело (или не очень смело) вписывается в парадигму художественных текстов об убийцах-творцах («Парфюмер» Патрика Зюскинда, «Каталог Латура» Николая Фробениуса, «Декоратор» Тургима Эггена...). Данный процесс в наумовском романе очень изящно назван словосочетанием «кровавое творчество» (с. 306)¹. Что ж, и в ранней прозе Льва Наумова «странные персонажи рожают странные ситуации, а странные ситуации слагаются в странные сюжеты» [Кихней, Гавриков 2020, с. 203].

И раз это роман о писателе, то он закономерно заполнен отсылками к предшествующей литературе. В том или ином контексте, в том или ином объеме, количестве, качестве – от упоминания вскользь до глобального участия в построении сюжета – в «Пловце снов» присутствуют Софокл и Шекспир, Достоевский и Толстой, Метерлинк и Гамсун, Донцова и Маринина, Зощенко и Булгаков, Пушкин и Грибоедов, Платонов и Пастернак, Галич и Высоцкий,

---

¹Здесь и далее текст романа Льва Наумова «Пловец снов» цит. по: *Наумов Л.* Пловец снов. М.: Омега-Л, 2001. 408 с. Номер страницы указывается в скобках в тексте.

Бальзак и Вирджиния Вульф, Тургенев и Некрасов, Чехов и Замятин, Роберт Пёрсиг и Ален Карр, Эдгар По и Уилки Коллинз, Шкловский, Джойс, Кафка, Пруст, Уэллс, Бодлер, Чуковский, Чехов, Брэдбери, Гёте, Агата Кристи... Есть и отсылки к другим видам искусства: важную роль в сюжете выполняет картина Жана-Леона Жерома «Истина, выбирающаяся из колодца, вооруженная плетью для наказания человечества»; упоминаются и музыкальные произведения – «Надежда» Пахмутовой, Red Hot Chili Peppers... Автор «Пловца снов» продолжает в данном плане линию, начатую в ранней своей прозе, где, согласно мнению исследователей, «Наумов соединяет разные техники адаптации классических сюжетов (литературно-философских, исторических) к своему художественному миру» [Кихней, Гавриков 2020, с. 88].

В ракурсе нашей темы необходимо также отметить, что Петербург в романе Льва Наумова не просто место действия; роман пронизан мифологией и метафизикой города на Неве – дворы-колодцы, реки и каналы, масоны, блокада... Иными словами, можно утверждать, что перед нами очередная глава петербургского текста русской литературы. И обращение именно к Петербургу реализует еще одну важную грань наумовского художественного мира, на которую обратили внимание исследователи раннего творчества Льва Наумова: «...миф, чудо непосредственно сплавлены с реальным бытием, иногда выступают в качестве второго – неотъемлемого – его полюса или неотторжимого свойства» [Кихней, Гавриков 2020, с. 137]. В «Пловце снов» участие Петербурга (в числе прочего, разумеется) позволило избежать нарочитой мистики, а в результате, в отличие от многих образцов ранней прозы писателя, повествование в романе не вышло за «реальные пределы».

Литературная и, шире, культурная метатекстуальность романа Льва Наумова вместе с принадлежностью «Пловца снов» к петербургскому тексту позволяют нам в данной статье сосредоточиться на присутствующих в тексте отсылках к творчеству петербургской рок-группы «Аквариум» и лично Бориса Гребенщикова. Отметим здесь, что это отнюдь не первое обращение к БГ в русской прозе; так, например, в фантастическом романе Вадима Панова «День Дракона» (2006) герои поют «Стаканы» «Аквариума» [Гавриков 2021], а в романе Михаила Елизарова «Земля» (2014–2019) герой-рассказчик Владимир пытается объяснить философию смерти цитатой из гребенщиковской «Елизаветы» («Делай что хочешь, но молчи, слова – это смерть»), отсылки к БГ и «Аквариуму» встречаются и в ряде других произведений, созданных в нашем веке. Но роман Наумова в данном плане выделяется среди прочих не только тем, что упоминаний о творчестве Гребенщикова в нем довольно

много, но прежде всего концептуальным включением мира «Аквариума» в картину мира главного героя «Пловца снов» Георгия Горенова, точка зрения которого доминирует в романе, несмотря на то что повествование ведется не от первого лица.

Уже в самом начале «Пловца снов» говорится о музыкальных пристрастиях Горенова, уроженца Таганрога (нельзя не увидеть в этом важную отсылку к Чехову, отнюдь не единственную в тексте), моряка по первой своей профессии, домашнее прозвище которого – Сом. И первое упоминание «Аквариума» возникает в, если можно так сказать, «рыбном контексте», отсылающем к детству главного героя и впоследствии не раз возникающем в романе (о чем скажем ниже):

По прошествии лет кажется, будто уже тогда в его апатичном поведении угадывалось что-то «рыбное». Сразу вспоминается, что у него рано и густо начали расти усы, и плавать он начал чуть ли не в младенчестве... В общем, Сом – имя со смыслом.

Георгий был типичным сомом! Детская мягкость позже оборачивалась жесткой агрессией, за которую ему бывало стыдно, но акулой так и не стал. Горенов не обладал силой кита, изворотливостью угря. Не был наделён и энергией ската или скоростью парусника... Не корабля, а рыбы-парусника. Кстати, группу «Аквариум» он тоже полюбил еще в Таганроге. Это потребовало больших усилий и долгого противостояния вкусам ровесников. В Петербурге же, наоборот, труднее было не любить Гребенщикова и компанию. Так вот, он очень хорошо знал ответ на риторический вопрос: «Какая рыба в океане плавает быстрее всех?» Это рыба-парусник, никакого секрета здесь нет. Георгий не только видел, но даже пробовал ее, угощал однокашник, служивший на Курилах. Вообще морское прошлое позволяло находить ему ответы на многие вопросы (с. 15–16).

Как видим, здесь упоминание Гребенщикова и «Аквариума» выступает в качестве способа культурной идентификации человека в обществе: в провинциальном Таганроге большинство слушает другую музыку – не столь элитарную; следовательно, тот, кто слушает «Аквариум», если и не обречен своими «эстетскими» вкусами на одиночество, то по крайней мере вынужден свои интересы в искусстве либо скрывать, либо отстаивать; как то, так и другое можно отнести к достаточно экстремальным способам самоидентификации и поиска своего места в мире людей. Для Петербурга же творчество БГ – стереотипный знак принадлежности к культурному большинству. Чтобы обосновать это, можно вспомнить об актуализации такой мифологемы петербургского текста как «Петербург –

культурная столица»; в данном ракурсе петербургского текста и, соответственно, мифа знать и любить песни «Аквариума» означает быть культурным человеком, т. е. петербуржцем. Таким образом, главный герой «Пловца снов» стал им еще до переезда в город на Неве, т. е. через экспликацию музыкальных вкусов героя подчеркивается его избранность; впрочем, именно осознание собственной избранности потом и приведет Горенова на путь кровавой очистки культуры от недостойных читателей (отсылки к «Преступлению и наказанию» в «Пловце снов» не надо даже специально искать – они на поверхности текста).

Прочитанная же в приведенном сегменте песня «Рыба» (альбом «Аквариума» «Ихтиология» 1983–1984 гг.) позволяет отнести в единую систему определенные грани прежней профессии героя и его культурную идентификацию, приблизить элитарное творчество Гребенщикова, отнюдь не всегда и не всем понятное и, соответственно, доступное, к более близкой многим (особенно – мужчинам, особенно – в портовом городе) «рыбной теме». И тогда получается, что и в песнях «Аквариума» можно отыскать какие-то грани, сближающие эти песни с интересами не сильно эстетически загруженного большинства – не того ли самого большинства, которое читает плохую литературу и от представителей которого Горенов решает очистить мир? Вот только и сам Горенов живет тем, что творит эту плохую литературу, а значит – умеет это делать. И цитация кажущегося понятным момента из песни Гребенщикова позволяет в какой-то степени увидеть то, что в искусстве границы элитарного и массового (а правильнее будет сказать в данном случае – универсального) вовсе не являются непроницаемыми; сам Горенов пересекает эти границы, идя на эстетический компромисс при создании ненавистой ему литературы – плохих детективов. Таким же эстетическим компромиссом может считаться и та часть творчества «Аквариума», которая признана, скажем так, массами. А впрочем, у Гребенщикова даже то, что кажется понятным, зачастую только *кажется* таковым. Как в случае с ответом на вопрос про самую быструю рыбу – уж точно ответом на этот вопрос не может быть что-то определенное и что-то одно, даже если это рыба-парусник. Да о рыбе ли вообще тут речь? Горенов и понимает всю сложность данной песни и в то же время – в угоду общепринятому и понятному – упрощает эту сложность; точно так же он упрощает свой сложный внутренний мир, создавая детективный продукт для широкой публики. Таким образом, цитата из песни «Аквариума» позволяет нам глубже понять сущность главного героя «Пловца снов», а вместе с этим и определить (в какой-то степени) его место в мире.

Следующая цитата из Гребенщикова возникает в эпизоде встречи Горенова со своей будущей возлюбленной Викой; встреча происходит в ювелирном магазине, где Вика работает продавцом (Горенов ошибочно думает, что ее зовут Ольга, поскольку при предыдущей встрече девушка попросила Георгия подписать его только что вышедшую книгу «Ольге и Уильяму»):

При хорошем освещении в ней обнаруживалось заметно меньше красоты, стали видны изъяны на коже, болезненная бледность, совершенно не модная в наше время. При этом проявилось еще больше убийственной вульгарности – как раз того, что делало ее такой соблазнительной. Хватит книжных дам с замками из песка и облаков!

Отсутствие клиентов девушка стояла с довольно глупым выражением лица. Тем не менее оно гармонировало в ней со странной грацией, которая будто бутон или словно пасть змеи раскрывалась, стоило Ольге вспомнить про улыбку и начать двигаться. «Мама, что мы будем делать, когда она двинет собой?»

Горенов отметил это завораживающее качество: на каждый новый недостаток в ней незамедлительно находилось превосходящее его достоинство. Он был готов наблюдать этот волнообразный процесс самосовершенствования бесконечно (с. 94–95).

Здесь вновь перед нами, как и практически во всем романе, точка зрения центрального персонажа, пусть и переданная через речь изображающую, речь безличного повествователя. И цитата из песни Гребенщикова «Она может двигать» (альбомы «Аквариума» «Дети декабря» 1985 г. и «Десять стрел» 1986 г.) для Горенова выступает емкой характеристикой его визави в данном эпизоде. И не важно, что, согласно комментарию самого Гребенщикова (например, автометапаратекст на концерте в США в 1988 г.²), песня эта отнюдь не о женщине, а о Земле, о планете, которую люди довели до такого состояния, когда Земля может ответить злом на зло – двинуть собой; все равно большинство реципиентов (и Горенов, видимо, в их числе) представляют, что «она» в песне – это женщина, женщина, способная на какие-то невероятные поступки, которые приводят окружающих как минимум в замешательство. И для Горенова такая трактовка Ольги-Вики, с которой он в данный момент

² «...Я иногда делаю к ней предисловие, в том смысле, что это песня не про любовь. Это песня про то, что мы ту Землю, на которой мы живем, довели уже до такого состояния, что она скоро ответит. И она, кажется, уже начинает отвечать... Так что, чисто экологическая песня» (<https://www.kursivom.ru/аквариум-она-может-двигать-бр/>).

хочет познакомиться ближе, видится достоинством. Цитата из БГ помогает Горенову приблизиться к осмыслению Ольги-Вики, а автору – представить мироощущение своего героя, для которого в женщине очень важна именно вот эта возможность раскрываться, «будто бутон или словно пасть змеи», т. е. «двигать собой». Герой, как видим, осмысливает действительность через пример из искусства, т. е. эстетически; следовательно, аквариумная цитата в тексте романа актуализирует важные смыслы, связанные с раскрытием мироощущения персонажа.

И сравнение со змеей из процитированного выше сегмента соотносится со следующей цитатой из БГ в «Пловце снов» – Горенов вспоминает бывшую жену: «...как же она была прекрасна, когда злилась! “Мегера Милосская”, – окрестил ее Георгий. Кто сказал, что “у каждой женщины должна быть змея”? У каждой женщины есть змея!» (с. 184). Тут уже почти полемика Горенова (вновь перед нами его точка зрения) с классиком русского рока. Цитата из песни альбома «Аквариума» «Радио Африка» (1983), вербально состоящей лишь из двух повторяемых фраз («У каждой женщины должна быть змея. Это больше чем ты, это больше чем я»). И опять, как и в случае знакомства с Ольгой-Викой, через цитату из «Аквариума» раскрывается то, каких женщин предпочитает Горенов, а через такого рода приоритеты раскрывается и он сам – как человек, осмысливающий мир через искусство, т. е. эстетически.

Итак, в описанных выше двух случаях цитации из БГ можно увидеть и такой важный момент, как способность героя идентифицировать себя относительно мира (в данных примерах – относительно женщин как важных элементов этого мира) и осмысливать сам мир через произведения искусства – две песни «Аквариума». Таким образом, перед нами герой, способный понимать себя в мире и мир по отношению к себе эстетически, через призму осмысления произведений искусства, здесь – классического русского рока, т. е. перед нами процесс, который можно назвать эстетизацией, не в том плане, что ужасное благодаря искусству может стать прекрасным, а в том плане, что себя и мир можно объяснять через искусство, а это одна из важнейших проблем «Пловца снов», реализуемая, как видим, и при помощи подключения цитат из песен Бориса Гребенщикова.

И следующее подключение БГ в роман Наумова тоже связано с женским миром; оно происходит в эпизоде, когда Горенов, навестив бывшую жену и вновь убедившись в том, «как же все-таки Надя прекрасна, когда сердится» (с. 191), даже попытавшись (до конца непонятно, успешно или нет) физически сблизиться с ней, очутился на улице:

...Но вдруг все исчезло.

Горенов пришел в себя уже на улице. Час был еще не поздний, хотя на ясном небе давно повис ночной диск. «Луна, успокой меня – мне нужен твой свет. / Напои меня чем хочешь, но напои. / Я забытый связной в доме чужой любви. / Я потерял связь с миром, которого нет», – то ли слышал, то ли напевал он. В доме Надежды, действительно, витала чья-то любовь. Наверняка знакомая, но совсем чужая. Настолько чужая, что Георгий даже не мог ее узнать.

Четверостишие звучало по кругу снова, снова и снова. Горенов не заметил, как в нем деликатно изменилась вторая буква. Вокруг раздавалось: «Лена, успокой меня...» Он удивился, но еще больше вопросов вызывало, почему прохожие бросали на него то ли гневные, то ли раздраженные взгляды (с. 191).

Лена – почти уже взрослая дочь Георгия и Надежды. И кажется, что тут подмена в цитате («Лена» вместо «Луна») из песни «Луна, успокой меня» из альбома «Аквариума» «Ψ» («Пси», 1999) направлена как раз на показ того, сколь характер дочери мало похож на характер матери; возможно, у Лены даже нет змеи (или пока нет). И песня БГ здесь становится для Горенова чем-то вроде заклинания – заклинания о чаемом покое, который невозможно обрести, когда рядом женщины, умеющие двигать собой и имеющие змей. Герой, таким образом, спасается через искусство – при помощи песни «Аквариума» морально бежит от тех проблем, к которым приводит реальный мир. Следовательно, перед нами вновь эстетизация; и на этот раз она спасительная. Да и сама песня Гребенщикова в этом фрагменте обретает (а возможно, и актуализирует в себе) смыслы, связанные с возможностями искусства трансформировать действительность, например через повторяемость, благодаря которой достигается эффект заклинания. То есть можно утверждать, что цитируемые в новых для себя контекстах тексты наполняются в этих контекстах такими смыслами, которые изначально были скрыты или даже отсутствовали.

Следующая отсылка к «Аквариуму» возникает в «Пловце снов», что называется, от обратного. В вагоне метро, где ехал Горенов, появились музыканты – девушка и трое мужчин.

...Горенова потрясло, как они играли.

Ребята исполнили песню “Red Hot Chili Peppers” – какой уж тут «Аквариум»... И дело не в моде. Композиция все равно была старше, по крайней мере, девушки, а может, и кого-то из парней. Их выбор – не поколенческий, а культурный, эстетический. Такие люди не стали бы выступать ни с «Городом золотым», ни со «Стаканами», потому что

они принадлежат к другому миру, к которому не имели отношения ни Гребенщиков, ни Горенов (с. 210–211).

Данный эпизод можно связать с самой первой в романе Наумова отсылкой к творчеству «Аквариума» – с вопросом про то, какая рыба в океане плавает быстрее всех. Напомним, что, описывая подключение этой цитаты в «Пловце снов», мы обратили внимание на ее пограничное положение между элитарным, понятным не всем, с одной стороны, и массовым, а точнее универсальным – с другой. Во фрагменте же с музыкантами в метро упомянуты как раз две такие песни «Аквариума»³, которые для самого массового слушателя являются визитными карточками группы и ради которых иные «любители» приходили и приходят на концерты группы; т. е. «Город» и «Стаканы» можно в полной мере признать в творчестве «Аквариума» самыми универсальными песнями. И в связи с этим рефлексия Горенова относительно музыкантов в метро не может быть прочитана только как размежевание с ними по эстетическому принципу (одним – “Red Hot Chili Peppers”, другим – Гребенщиков); тут все получается несколько сложнее, если учесть, какие именно песни из репертуара «Аквариума» названы. Это как раз те песни, исполнение которых в метро не кажется чем-то необычным или чужеродным: и «Город», и «Стаканы» вполне подходящий репертуар уличного музыканта, песни эти (в отличие от большинства других аквариумных шедевров) вполне могли бы соседствовать с теми же “Red Hot Chili Peppers” в вагоне метро. А между тем Горенов думает иначе – для него и эти песни (даже эти песни!) выступают знаком ЕГО культуры, противопоставленной другим культурам, населяющим внешний мир. Творчество же «Аквариума» для него целостно и, похоже, не делится на вещи более универсальные и на те, что можно назвать элитарными. Однако нам важно то, что и тут герой романа Наумова вновь осмысливает мир и себя через искусство, в очередной раз убеждая нас в том, что его мироощущение с полным на то правом можно назвать эстетическим, а человек, так оценивающий мир и себя в нем, в какой-то момент может (а, возможно, и должен) прийти к осознанию идеи собственной избранности.

---

³«Город золотой», музыка (предположительно) Владимира Вавилова или Алексея Хвостенко, слова Анри Волохонского, «Аквариумом» под названием «Город» была включена в альбом «Десять стрел» (1986). «Стаканы» из альбома «Беспечный русский бродяга» (2006), созданная, как сказано на обложке альбома, на старинную кельтскую мелодию “Some Say the Devil is Dead”.

Еще одна отсылка к песням БГ возникает в споре Горенова с его давним другом Борисом Живаго⁴. Спор идет о книгах, о чтении, но в какой-то момент выходит на Бога. Горенов приводит в пример слова тещи, говорившей, «будто ее брат был “электриком от Бога”» (с. 332), и продолжает: «“Электрик от Бога”, кстати, развел у нее на даче провода так, что свет в комнате и в туалете включался одновременно, одной клавишей. Может, она просто не знает смысл понятия “Бог”?.. И знает ли Бог, что такое электричество? Помнишь песню “Два – двенадцать – восемьдесят пять – ноль шесть”» (с. 333). Здесь для понимания роли этого указания недостаточно только процитированного названия и, соответственно, рефрена песни «Аквариума» из альбома «Дети декабря» (1986). Песня «2-12-85-06» наполнена многочисленными отсылками к самым разным претекстам (литература, кино), номер телефона, озвученный в песне, не раз потом обыгрывался в самых разных культурных контекстах; однако Горенов приводит название этой песни в пример своим построениям об электрике от Бога, электричестве, а в итоге – о Боге не в связи с телефонным номером, а отсылая к начальному фрагменту гребенщиковского текста:

Если бы я знал, что такое электричество,
Я сделал бы шаг, я вышел на улицу,
Зашел бы в телефон, набрал бы твой номер
И слышал бы твой голос, голос, голос...

Но я не знаю, как идет сигнал,
Я не знаю принципа связи,
Я не знаю, кто клал кабель,
Едва ли я когда-нибудь услышу тебя, тебя, тебя...⁵

Таким образом, герой романа Наумова в приведенном выше фрагменте аргументирует свою мысль отсылкой к творчеству рок-

⁴Пусть фамилия у него отсылает к другому Борису – Пастернаку, но имя может быть прочитано и как отсылка к Гребенщикову; кстати, на первом вышедшем на государственной фирме «Мелодия» виниловом альбоме «Аквариума», куда вошли избранные песни из «Детей декабря» и «Дня серебра», была помещена заметка Андрея Вознесенского об «Аквариуме», где автор, характеризуя Гребенщикова, цитировал именно Пастернака – четверостишие из «Белой ночи»: «Мы охвачены тою же самою / Оробелою верностью тайне, / Как раскинувшийся панорамой / Петербург за Невую бескрайней».

⁵URL: <https://www.aquarium.ru/ru/albums/deti-dekabrya#song-1348>

классика. И что интересно, на этот раз перед нами вновь, как уже не раз было с цитатами из «Аквариума» в «Пловце снов» ранее, размышления о женщине, пусть и данные имплицитно: спор идет о книгах, о Боге, однако имплицитно подключаемая цитата об электричестве из песни «2-12-85-06» в итоге оказывается текстом о невозможности услышать адресата, которым, вероятно всего, является женщина, а значит, и цитата эта – о невозможности соединиться с женщиной. Важно и то, что Горенов размышляет о том, знает ли Бог, что такое электричество, тогда как в песне сомнение в этом знании выражается напрямую субъектом. Из такого соотнесения романного контекста к упоминанию песни и самой этой песни можно сделать заключение если не о тождестве Бога и субъекта песни, то по меньшей мере об их близком сходстве, а в связи с этим не стоит пренебрегать и довольно устойчивым в определенной среде в 80-е гг. прошлого века, да и потом, наименованием БГ Богом (например, в фильме Сергея Соловьева «Асса»). Попутно обратим внимание и на то, что к упоминанию в связи с электричеством песни «Аквариума» «2-12-85-06» в романе Наумова можно подключить еще одну песню Гребенщикова, где мотив электричества вынесен в заглавие и не раз повторяется по ходу песни – это «Электричество» (альбом «День серебра» 1984 г.); можно, кроме того, поразмышлять и над еще одним «электрическим текстом» «Аквариума» – песней «Электрический пес» («Синий альбом» 1981 г.); наконец, один из ранних альбомов группы был озаглавлен «Электричество. История Аквариума – том II» (1981). Все эти и ряд других манифестаций «электрического текста» от БГ сотоварищи тоже могли бы стать смысловым претекстом к размышлению Горенова по поводу электричества и Бога. Нам же важно, что вновь – и на этот раз в прямой речи (в отличие от приводимых выше примеров) – герой «Пловца снов» старается подкрепить свою сентенцию авторитетным произведением искусства.

Итак, некоторые сегменты мира и некоторые аспекты понимания себя, своего места в этом мире применительно к герою романа Льва Наумова объясняются при помощи отсылок к песням «Аквариума»; все они формируют систему, общим знаменателем которой можно признать эстетический характер понимания героем себя в мире и мира по отношению к себе, что если и не прямо приводит Горенова к идее собственной избранности, то по крайней мере является симптомом появления этой идеи.

Однако не будем пока что на этом останавливаться, а для полноты картины затронем еще один важный пласт «Пловца снов», в некотором роде соотносимый с БГ и его группой. Напомним, что перовое упоминание «Аквариума» и Гребенщикова случается

в наумовском тексте в связи с рыбами – с домашним прозвищем главного героя (Сом) и с характеристиками Горенова через отрицательные сравнения с представителями водного мира (акула, скат, рыба-парусник). Следовательно, и «рыбный контекст» (или даже «рыбный текст») в «Пловце снов» тоже может быть имплицитно связан с Гребенщиковым – и через название его группы, и через мотивы некоторых песен. В романе данная «тема» возникает неоднократно – в уже цитированном сегменте, где впервые упоминается группа «Аквариум», и в ряде других сегментов, формируя особое отношение Горенова к рыбе; так, герой покупает в магазине рыбу по довольно сложным причинам:

Вдали оттенками голубого переливалась вывеска «Рыба». Собаки бегут на запах, мотыльки летят на свет, Горенов пошел на слово. В ноздри резко ударил жуткий аромат. Может ли так пахнуть то, что когда-то жило в море? Георгий с тоской осмотрел обильно заваленный прилавок. Ему казалось, там лежали создания, ничуть не менее несчастные, чем он. А главное, они были так же немые, так же безъязыкие и беспомощны перед чужой волей. Да и безработные к тому же.

Что Горенов мог сделать для них, чем помочь, как выручить своих? Понятно, всех купить не удастся, потому он выбрал самую красивую рыбу, оплатил и забрал с собой. Шагая с вонючим свертком под мышкой, Георгий раздумывал, что делать с ней: выбросить – слово «отпустить» здесь не подходило – в Неву или же запечь в духовке? Примерно так же стоял для него вопрос о собственном будущем (с. 91).

В другом моменте романа герой вспоминает, как однажды он заплыл в море очень далеко и как все это время его сопровождала одна рыба:

Что если это действительно была любовь? Удивительное и таинственное рыбе чувство. Быть может, самое чистое и подлинное на свете, поскольку оно лишено кровной обусловленности и даже теоретической возможности плотской страсти.

Именно после этого случая Горенов пришел к выводу, что самая главная связь, которая возникает между людьми, не имеет ничего общего ни с родственными узами, ни с половым влечением. Женщин выбирает инстинкт. Родных не выбирает никто. Получается, что именно тех людей, которые входят в нашу жизнь иными путями, мы определяем и умом, и сердцем. Узы с ними не случайны, а мотивированы и наполнены смыслом. Как правило, это близкие друзья одного с нами пола, а их Георгию очень не хватало.

Чем пловец мог тогда ответить рыбе на ее любовь? Голый, посреди моря, кругом вода... Как проявить взаимность одинокому, практически бессильному по сравнению со средой существу? Горенов решил проглотить малька, чтобы молекулы полюбившего его создания навсегда остались внутри. Очень человеческая идея! Рыбешка была такой крохотной, что ее можно отправить в желудок, не жуя. Пару раз он едва не захлебнулся, пытаясь сделать это. Ничего не вышло, а отважное... или слишком влюблённое создание все не отставало (с. 103–104).

А вот у дочери Горенова Лены на рыбу аллергия: «Над ее загадочной непереносимостью рыбы и морепродуктов ломали голову многие врачи. <...> Сом очень переживал, ему виделось тут нечто мрачное, противоестественное. Нарушение закона природы, которому подчинялся он сам. Некоторое время Горенов даже сомневался, его ли это девочка...» (с. 112).

Есть и другие моменты в романе, так или иначе соотносимые с «рыбным текстом». И эти моменты, как и только что приведенные, как и момент в начале романа, в котором упоминание «Аквариума» и Гребенщикова возникло в непосредственной связи и вслед за рассуждениями о рыбах применительно к характеру Горенова, направлены на раскрытие специфического мироощущения главного героя, для которого мир рыб если и не является миром идеальным, то достаточно очевидно противопоставлен миру людей: с миром рыб у героя романа Наумова куда как больше точек сближения, чем с миром себе подобных. К тому же «рыбный текст» в романе актуализирует и разворачивает одну из частей заглавия – лексему «пловец». А на уровне тематики фрагменты с участием рыб вполне могут быть соотнесены с названием группы Гребенщикова – «Аквариум», т. е. тоже могут быть включены в обозначенную выше систему отсылок к песням БГ в романе «Пловец снов». Думается, внимательное рассмотрение такого соотнесения должно состояться в будущем.

Пока же можно заключить, что система из отсылок к творчеству Гребенщикова, включая сюда и «рыбный текст», позволяет интерпретировать мироощущение героя как мироощущение, в основе которого лежит эстетическая концепция понимания себя, мира и своего места в мире; действительность оценивается Гореновым через призму искусства, т. е. в основе мироощущения героя лежит эстетическая концепция осмысления действительности. Буквально на каждый жизненный случай у героя находится комментарий из мира искусства, и важное место в таком эстетическом комментировании реальности занимает творчество Бориса Гребенщикова, позволяющее Горенову если и не объяснить мир, то по крайней

мере приблизиться к осознанию собственной уникальности в этом мире, а в конечном итоге – и к осознанию собственной избранности. Таким образом, рассмотренный очередной пример обращения современного русского романа к «слову рока» позволяет вновь убедиться в том, что такое включение способствует раскрытию специфики мироощущения персонажа, а анализ этого обращения приближает к более глубокому пониманию текста.

Литература

- Гавриков 2021 – *Гавриков В.А.* Как чел Гребенщиков разочаровал дуричей Маркера, Овертку и Бульжника, или Фантаст Вадим Панов о русском роке // *Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр.: Спецвып. Рок+.* / Уральск. гос. пед. ун-т. Екатеринбург; Тверь: [б. и.], 2021. С. 75–81.
- Доманский 2020a – *Доманский Ю.В.* Рок-музыка минувшего века в русском романе века нынешнего // *Челябинский гуманитарий.* 2020. № 2 (51). С. 21–36.
- Доманский 2020b – *Доманский Ю.В.* Русский рок в русском романе («1993» Сергея Шаргунова) // *Русская литература XX–XXI вв. как единый процесс: проблемы теории и методологии изучения: Материалы VII Междунар. науч. конф. Москва, 17–19 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 164–167.*
- Доманский 2021 – *Доманский Ю.В.* «Летовский текст» в «Земле» Михаила Елизарова: к вопросу о слове рока в современном романе и о современном романе в аспекте включения в него рок-культуры // *Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр.: Спецвып. Рок+ / Уральск. гос. пед. ун-т. Екатеринбург; Тверь: [б. и.], 2021. С. 82–91.*
- Кихней, Гавриков 2020 – *Кихней Л.Г., Гавриков В.А.* Проза Льва Наумова в контексте «мистического реализма» в русской литературе XX–XXI вв. М.; Амстердам: Тардис, 2020. 240 с.
- Цукер 2020 – *Цукер А.* Русский рок скорее мертв, чем жив? Эпикриз от Романа Сенчина // *Рок-музыка в контексте современной культуры: Сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 23 ноября 2018 г. / Ред.-сост. А. Савицкая. М.: Гос. ин-т искусствознания; ИП Галин А.В., 2020. С. 31–47.*

References

- Cuker, A.M. (2020), "Is Russian rock rather dead or alive? Epicrisis from Roman Senchin", in *Rok-muzyka v kontekste sovremennoj kul'tury, Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 23 noyabrya 2018 goda* [Rock music in the context of modern culture. A collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. November 23, 2018], State Institute of Art Studies, Moscow, Russia, pp. 31–47.

- Domanskii, Yu.V. (2020), “Rock music of the last century in the Russian novel of the present century”, *Chelyabinskii gumanitarii*, vol. 51, no. 2, pp. 21–36.
- Domanskii, Yu.V. (2020), “Russian rock in the Russian novel (‘1993’ by Sergei Shargunov)”, in *Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyj process (problemy teorii i metodologii izucheniya)*, *Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva, 17–19 dekabrya 2020 g.* [Materials of the 7th International Scientific Conference. Moscow, December 17–19, 2020], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 164–167.
- Domanskii, Yu.V. (2021) “ ‘Letovian text’ in the ‘Earth’ by Mikhail Elizarov: speaking of the word of rock music in contemporary novel and of contemporary novel in the aspect of its inclusion of rock music culture”, in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Specvypusk. Rok+* [Russian rock poetry. Text and context. Collection of scientific papers. Special Issue. Rock+], Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg; Tver’, Russia, pp. 82–91.
- Gavrikov, V.A. (2021), “How chel Grebenshchikov delighted ‘Durichi’: Marker, Otvertka and Bulyzhnik, or Fantast Vadim Panov about Russian rock”, in *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Specvypusk. Rok+* [Russian rock poetry. Text and context. Collection of scientific papers. Special Issue. Rock+], Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Tver’, Russia, pp. 75–81.
- Kihnei, L.G. and Gavrikov, V.A. (2020), *Proza L’va Naumova v kontekste “misticheskogo realizma” v russkoj literature XX–XXI vekov* [Lev Naumov’s prose in the context of “Mystical realism” in Russian literature of the 20th – 21st centuries], Tardis, Moscow, Amsterdam, Russia, Nederland.

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yurii V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; domanskii@yandex.ru